

ТЫЩЕНКО ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

«В ФИЛОСОФИЮ МОЖНО ПРИЙТИ СВЕРХУ, А МОЖНО СНИЗУ, ОТ КОРОВНИКА... ВТОРОЙ ПУТЬ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ПОЛЕЗНЫЙ...»

Автобиографическое интервью¹

Тыщенко В. П.: Итак, как мы пришли к этой теме, напомни.

Смирнов С. А.: Хорошо. Это было моё предложение: брать у живых философов интервью про их философские автобиографии. То есть спрашивать не про их концепции и тексты, а про то, как они понимали и как они выстраивали свою биографию как философы. И я столкнулся с тем, что это непривычно. Вот я у В. В. Целищева брал интервью, он говорит: «Это непривычно». Как-то даже не принято в аналитической философии писать философские автобиографии. Потому что сразу авторы скатываются на пересказ своих идей. Вспоминают, кто что написал,

с кем спорил, опять как бы повторяют свои тексты.

Тыщенко В. П.: Это надо записать: непривычно и неприлично.

Смирнов С. А.: Да, неприлично. Потому что, либо скатываются в частную жизнь (сколько у него было жен, детей, развелся, родил, уехал, приехал), либо скатываются в обсуждение своих книжек написанных. Вот, например, интеллектуальная автобиография К. Поппера, она вот такая. Он вспоминает, с кем спорил, вспоминает про свои идеи. Но это не совсем философская автобиография, мне так кажется. Потому что возникает проблема автора. Например, В. В. Бибихин отрицательно относится вообще и к биографиям философов, и к их автобиографиям. Или тот же М. Хайдеггер, например. Он говорит: «Аристотель родился тогда-то, умер тогда-то». Всё. Дальше обсуждает его сочинения. А что такое произошло между рождением и смертью, то есть что такое путь философа по шагам: как выстраивалась навигация человека, как он рождался как философ и что в нём происходило, то есть какие события происходили – это не обсуждается. Обсуждается сразу сочинение, текст. Бибихин и говорит: «Что вы про биографию говорите? Что, мы будем обсуждать частную жизнь философа? Ведь никакой эпизод из частной жизни философа никогда не объяснит тайну его произведений». Но ведь вопрос не про частную жизнь, а про феномен рождения в человеке философа, и понимает ли он это?

Это ведь старый разговор. Ю. М. Лотман также обсуждал тайну произведений А. С. Пушкина. Написал его биографию. Но ведь никакой эпизод из жизни поэта не объяснит тайну творения. Ну, родился человек когда-то, а потом

¹ Разговор записан 9 июня 2019. Последний...

в нём рождается поэт. И никто не знает, как это происходит, кроме его самого. Иосиф Бродский, поэт и человек – это разные существа? Но они как-то в одном жили, в одном существе. То есть дело в том, что философская автобиография – это не про то, «когда я написал эту книжку», «а вот тогда я эту книжку написал». Вот вчера я встретил Щедровицкого, а позавчера встретил Давыдова (как у вас). Это не про это. А про то, «когда я понял, что во мне рождается философ и что это означает». И дальше «что происходило со мной как с философом и как происходило это формирование и преображение философской личности», и понимает ли философ про это, а не просто пишет тексты и так далее. И, оказывается, эти вопросы неудобные. Философ оказывается безоружен в этой ситуации.

Тышченко В. П.: Я думаю, что в России взрыва публикаций в этом направлении не будет.

Смирнов С. А.: А я не взрыва жду.

Тышченко В. П.: Это очень субъективная сторона философии.

Смирнов С. А.: А тут снимается проблема субъекта/объекта. Это проблема личностей. Это не про субъект.

Тышченко В. П.: Ну, это проблема, например, того, что человек либо пишет хронологию своей семьи...

Смирнов С. А.: Ну, и на здоровье. Ну, и пусть пишет. Тогда он частное лицо. Кому он интересен как частное лицо?

Тышченко В. П.: Вот он тем и интересен.

Смирнов С. А.: А при чём здесь он как философ? Или поэт, или художник, или архитектор. Тогда мы обсуждаем частную жизнь человека. Но при чём здесь его идеи, сочинения? У него была жена, было пять детей, из них двое умерли. Потом он развёлся. Потом он женился снова на молодой, она ему родила ещё пять детей. И что? Это про другое. То есть тогда мы обсуждаем просто повседневную жизнь частных лиц. Но этим уже давно занимаются музейщики, биографы, писатели, мемуаристы и так далее. Но это обсуждение не мемуаров и частной жизни людей (это к историкам). А что такая жизнь философа как философа и есть ли в этом различие? Или как? Или это в принципе невозможно?

Кстати, наш любимый с вами М. М. Бахтин критично относился к автобиографии, но считал, что это как раз испытание человека. То есть, пишет автобиографию, человек неминуемо ввергается в нарциссизм, как он говорил, в самолюбование. Неминуемо начинает себя приукрашивать. Точнее, фактически конструировать некий желаемый ему, более удобный ему, приятный образ себя. Ну, понятно. Вспоминает то, что ему удобно вспоминать. То, что ему неудобно вспоминать, он пытается забыть. Ну, понятно, пытается себя описать в более приглядном свете и сразу ввергается в эту оценочную позицию. Но это и есть испытание. Тогда, пардон, он как философ не честен по отношению к себе.

А есть другая крайность: когда он начинает себя бить, корить, ввергается в исповедь, в ложное самоуничижение. И тогда, например, А. А. Зиновьев пишет «Исповедь отщепенца». Кстати, яркая автобиография. Помните, да? Но это же псевдоисповедь. Он же там себя тоже выпячивает как такого отдельного и великого, плывет такой отдельный ледокол, плывет по льдам судьбы. Но это другая крайность.

И здесь очень сложно удержаться и начать говорить о себе правду. Именно правду, опять же, не про частную жизнь. Мало ли какие ошибки или достижения были там в твоей частной жизни: стал ты академиком или стал героем,

или ещё кем... Философия – это не про это, а про то, что ты за опыт как философ осуществлял и что в результате получалось, что такое философия как практика мышления и «практика себя». Вот про это.

Кстати, в этом смысле одна из наиболее точных самохарактеристик есть у Г. П. Щедровицкого. Вот он честен, когда он говорил про то, как мышление на него однажды село. Помните, замечательное его интервью: «Сладкая диктатура мысли». В конце жизни. Есть там это, он вроде бы тоже здесь субъективен, но вроде бы он там и не врёт про себя. И не очерняет, и не обеляет – он пытается рассказать как было. И в этом смысле его уникальное полиинтервью, книжка «Я всегда был идеалистом» – это шикарная автобиография. Но не классического типа. Не в жанре дискурса, мол, человек сел и начал писать. Это были живые беседы, такие эпизоды. Это не собранная книжка, но это были очень живые разговоры о себе и о том, как он в разные периоды жизни сталкивался с разными ситуациями самоопределения.

Но, с другой стороны, я согласен: это очень редкая штука. Их очень мало. Вот Н. А. Бердяев, «Самопознание», П. А. Флоренский, «Детям моим». Это его воспоминания и письма детям. Дальше – Г. П. Щедровицкий, «Я всегда был идеалистом», К. Поппер. Есть, конечно, более ранний опыт – Ж.-Ж. Руссо, его «Исповедь». Есть, конечно, Абелляр «Исповедь о моей жизни». Есть, конечно, Августин «Исповедь». Марк Аврелий. Но это исповедальные вещи, там уже мы сразу уходим в религиозный опыт. Это давнее дело.

Если же брать современную философию XX века, то очень мало. Вот дневники молодого Л. Витгенштейна. Очень специфический жанр. Это автобиографический жанр, очень откровенный, это про себя, про то, как он проживал опыт войны. Вообще-то редкий опыт – философ в окопах. Ситуация непростая, но это один из немногих доступов к авторской мысли философа. Потому что за текстами спрятана личность, личность загромождена текстами. Вот он наследил в жизни, написал 100 томов, как Лев Толстой. Но это следы, как следы зверя по снегу. Но кто шёл? Мы изучаем следы, тексты.

Тыщенко В. П.: Толстой много чего писал. «Война и мир»...

Смирнов С. А.: А здесь тайна творения. Вот Хайдеггер пытался поймать тайну творения. То есть, тайну истока, что порождало это произведение. Вот что порождает философское произведение? Что есть акт философского порождения философского текста как акт, что это за событие и что по этому поводу может сказать сам автор? Он начинает опять вспоминать свои тексты или вспоминать, как он на природе ходил и сочинял. Вот Бердяев, он вспоминал. Это мемуаристика.

Тыщенко В. П.: Ты так быстро к Бердяеву перескочил. Толстой мне интересней.

Смирнов С. А.: Я к примеру говорю. Я говорю редкие примеры философской автобиографии. А Толстой-то, он тоже хитер. Толстой свою исповедь тоже написал, но себя-то любит. Показывает, смотрите, как я страдаю. Он не исследует свою правду – он пророчествует, он как бы поучает. Но тоже пример – да, есть «Исповедь» Толстого. Библиотека набирается хорошая. Но пока, до настоящего времени, философского исследования по поводу опыта философских автобиографий почти нет. Есть редкие и робкие примеры.

Тыщенко В. П.: Так, а, может, и не надо?

Смирнов С. А.: Может быть, не надо. Тогда вообще философией и не надо заниматься?

Тышченко В. П.: Ну, видишь, если философ – индивидуальность, так либо он занимается индивидуальностью своей, тогда он не философ получается по твоим рассуждениям, а если он философ, тогда он не занимается своей индивидуальностью. Я заостряю то, что услышал от тебя.

Смирнов С. А.: Так. И? Так зачем вообще история философии? Вот мы изучаем эти индивидуальности. Но мы изучаем тексты, мы изучаем следы.

Тышченко В. П.: Так, у нас получилось две части. Первая часть – это автобиографический философский жанр «по Смирнову», а вторая часть, к чему я хочу перейти (а ты скажешь, когда мы созреем), у меня размышления, но тут надо сидеть возле компьютера.

Смирнов С. А.: Ну, а вы можете немного поотвечать на мои вопросы? Вы к себе-то можете применить эти вопросы про автобиографию?

Тышченко В. П.: Тогда два варианта. Сначала, до нашего разговора о том, что у меня накарябано. А второй вариант ответов – после того, когда я выслушал про автобиографию от Смирнова, а Смирнов выслушал автобиографию мою. Если план беседы такой, то я готов. Пора переходить?

Смирнов С. А.: Да, переходим к ответам на вопросы. Итак.

Тышченко В. П.: Итак, можете ли Вы назвать момент жизни, который стал ключевым эпизодом в Вашей биографии как философа? С какого момента Вы стали себя ощущать философом? По каким признакам Вы можете судить о таком событии? Самое трудное в этом вопросе – это что я считаю для себя смыслом слова «философия» и выбором философии.

Смирнов С. А.: Ну, конечно.

Тышченко В. П.: Ну, к этому мы вернёмся, а пока прямо ответы на эти вопросы. Ключевой момент, как ни странно, сложился у меня на протяжении времени, связывающего довоенное моё детство с военным детством. Ключевой момент довоенного детства – это всякого рода разные вещи, можно сказать «канекдотические». Уже в довоенном детстве, то есть до 1941 года (до 11 лет), у меня были сложные отношения со сверстниками. С одной стороны, на рыбалке, в походе за грибами, на футбольном поле и т. д., и т. д., и т. д., я никогда не был в последних рядах, а иногда даже близко к первым. Что во мне было моим сверстникам непонятно? Два момента: сын учительницы.

Смирнов С. А.: Это так влияло? Как оценка?

Тышченко В. П.: Это всегда влияло. Поэтому ко мне относились как-то не только и не столько как к сыну учительницы, сколько к своему парню. Я во всём принимал участие, кроме одного – я упорно не хотел материться.

Смирнов С. А.: А без этого тогда нельзя было.

Тышченко В. П.: Деревенские ребята – виртуозы слова, да и хлопцы городские – то же самое. Так вот, эта линия у меня испытала самый серьезный перелом в 1943 году. Мне 13 лет. К тому времени, к 1941 году, отец окончил герценовский пединститут и получил должность директора городской Могилевской школы. И в качестве первой квартиры получил в здании старого школьного спортзала небольшого размера квартиру. Мы уже её внутри потом перегораживали.

Как он попал туда? В 1941 году, когда мы впервые услышали звуки бомбардировок на западе, он поступил очень правильно, на мой взгляд: без всяких

рассуждений собрал нас четверых (я, сестренка, он и мама моя), и мы отправились в родную деревню отца. Ехать уже было не на чем, ну, начало войны, автобусы не ходили. Добирались мы кое-как ... А было там верст 40, по-моему, мы вчетвером.

Смирнов С. А.: Это какой район? Деревня-то где была? Какой район?

Тышченко В. П.: Сейчас скажу. Значит, из областного центра, Могилева, мы попали в некое местечко, оно не деревней называлось, иначе, в местечко. Местечко чем отличалось от деревни? Местечко было более многонациональное. Скажем, местечковое еврейство, оно возможно только там. Поэтому он собирался нас отвезти, вернуться и разобраться в ситуации.

Ну, первый разбор ситуации такой: в военкомате, когда он явился туда, ему сказали: «Вы как директор школы, имеете «бронь». Когда эта броня будет снята, вас призовут насовсем. Так что живите с семьей. Он вернулся. Но вслед за ним появились в лягушачьего цвета мундирах оккупанты. Вслед за этим очень быстро сформировали группу полицаев. Охотников нашлось достаточно. Потому что это положение в новых условиях.

Смирнов С. А.: Ну, это территория такая.

Тышченко В. П.: И к нему явились, уже от официальной структуры оккупационных властей к нему явились люди и сказали так: «Нам нужны чиновники в системе образования, которую мы восстанавливаем». Потому что масса предметов было отброшено, учебники в большинстве – тоже. Остались тольконейтральные: математика и тому подобное. А мы жили в это время в райцентре Чаусы в доме директора гимназии, дореволюционной ещё. Так что необычное заключалось в том, что это был дом с большой библиотекой, которую собирали грамотный человек с хорошим педагогическим образованием, дореволюционным. Ну, вот так мы там были. Произвели прореживание библиотеки: все потенциально недопустимые новыми властями книжки либо попрятали (но это было трудно), либо сожгли.

Смирнов С. А.: Так там же вся русская классика была запрещена, по идее, естественно. Там только точные науки и можно было оставить.

Тышченко В. П.: Не это было на первом плане. На первом плане было другое: надо было начать после перерыва школьные уроки. А тетрадок не было. Поэтому писали на полях книжек. Ну, а ему предложили (без выбора) работать инспектором учебных заведений... Как это называлось-то?

Смирнов С. А.: Всего района?

Тышченко В. П.: Да. Ну, называлось как-то это подразделение райцентра – то, которое занималось делами школьными. Так вроде бы оно наладилось. С одной стороны, возле закрытых ворот, где лагерем расположились немцы, постоянно дежурили стайки девиц. Проблем у них никаких не было: вышел за ворота, пригласил, пожалуйста. Всё было нормально, в этом смысле по-новому. Довольно быстро новый порядок был заведён. Появились газеты, в которых много описывалось.

И... Ну, тут длинная история. Потому что, видишь, я пока рассказываю, вроде бы никакого отношения к философии это не имеет. А имеет вот какое отношение. Я впервые понял, что: а) мои знания о Германии, в которых я был уверен, как мальчишка, они липовые. Но не совсем. Потому что философское значение имели, например, образы дорог немецких: мощёные, усажены де-

ревьями, деревья частично фруктовые, никто эти фрукты не рвёт и деревья не ломает – культура. Это довоенные представления.

Смирнов С. А.: Это довоенные представления. Так.

Тыщенко В. П.: А военные представления у меня поломались, когда в 1943 году, ничего не говоря и не объясняя, явились полицай и немец и увезли отца в неизвестном направлении. Уже позже стало известно, что ему предъявили обвинение в связи с партизанами. А связь в чем заключалась? Партизанские представители должны были двигаться по территории. Для этого нужны были документы. А отдел образования имел возможность их записывать инспекторами и так далее. Что и было сделано. Вот 1943 год – отца арестовали, не предъявляя обвинений.

Смирнов С. А.: Так это два года прошло под немцами-то, всё было тихо, аж с 1941-го по 1943-й.

Отец Петр Матвеевич Тыщенко. Ленинград. Из семейного архива. Они так похожи...

Тыщенко В. П.: Ну, 1943-й ты рано подошел. Это ещё до Сталинграда. Кстати, мы о Сталинграде тогда ещё не слышали, а услышали в 1944-м, когда появились наши. И тут начали приходить слухи о расстреле отца. Первый раз, когда мать услышала, с ней был припадок: она лежала на кровати, стонала, ничего не говорила, «жить не хочу». А мы двое (я и младшая сестрёнка) сидели рядом с ней, обнимали и всячески вдалбливали одну мысль: если она уйдет – мы погибнем. Она, наконец, взяла себя в руки. Судьба семей тех, кто (как говорили тогда в Белоруссии) «ушел в лес», была совершенно определённая. Их понемножку куда-то увозили. Дальше – ни слуху, ни духу. Но потом выя-

снилось, что есть два ручья. Первый ручей: работоспособная молодежь, парни и девушки, их тогда в Германию везли на самые разные рабочие места – ухаживать либо за деревьями, либо за детьми. Либо вывозили и расстреливали невдалеке от райцентра и областного центра. Она это узнала, и поэтому приняла такое решение: уехать с родины отца на родину свою родину. А родина матери – другой район, деревня Каменные Лавы. Сменив фамилию. Кстати, моя фамилия почему-то осталась на школьных тетрадках, а там – да, сменили. И встретили освобождение мы уже в Каменных Лавах. Встретили тоже забавно применительно к той ситуации. С вечера немцы ещё в Каменных Лавах, а уже стрельба, фронт приближается, они драпают, подъезжают машины, они залезают в машины по очереди и уезжают. И вот на прощанье такой эпизод. Один немец смотрит на меня. А у меня были такие черные вьющиеся волосы.

Смирнов С. А.: Подумал, еврей?

Тыщенко В. П.: Одно слово сказал мне: «*Jude*». У меня холодок по спине пробежал. И он тут же побежал к уже отходящему автобусу. Винтовка... Нет, не винтовка, уже автоматы у них были. Винтовками «СВТ» продолжали оборонысь наши в это время². Но после и у наших появились автоматы. Только у немцев раньше появились металлические автоматы, а у наших – с деревянными прикладами.

И самое обидное, что наутро пришли наши. Они знали, что в нашем селе немцы. И вот тут я уже не помню: то ли поздно вечером, то ли рано утром че-го-то там за рекой прогрохотало – и полдеревни запылало. Огонь поднимался на высоту метров на 100, наверное, или больше. И когда они появились в нашей деревне, были разочарованы тем, что уже никого из них не застали. И тут один из бойцов так присмотрелся ко мне. А мать, в отличие от других учительниц, не пошла на работу, она зарабатывала как портниха. Она была хорошая портниха. Ну, а шила она по той, по военной моде: китель, галифе, рубашка какая-то с козырьком. Вот один из бойцов, ещё с карабином (немцы уже уезжали с автоматами, а этот ещё с карабином) тоже ко мне присмотрелся и говорит... Подожди, как же это немцев тогда называли мы? А-а, фриц.

Смирнов С. А.: Ну, фрицы, да.

Тыщенко В. П.: Фриц!? Ну, ответа он не стал дожидаться. Но я так понял, что я чужой у оккупантов был, и здесь я тоже оказался в таком же положении.

Смирнов С. А.: А возраст-то Вам когда скостили? Это сразу в 1941-м или позже?

Тыщенко В. П.: Когда уезжали, мать предусмотрительная, она взяла мои метрики и переправила 1930-й на 1933-й. Они у меня есть.

Смирнов С. А.: Новые или старые?

Тыщенко В. П.: С поправкой. Тогда никто к этому не притирался. Это осталось надолго. И у меня были неприятности, связанные с этим, уже в студенческие времена. Где-то на 3-м курсе философского факультета я уже был и прошёл по лестнице комсомольских постов через комсорга группы, комсорга курса и потом добрался до члена комсомольского бюро всего факультета. И мне было предложено (вполне логично в этих условиях) подавать заявление на вступление в партию. Я был весьма польщён. Но меня беспокоило одно: как

² Самозарядная винтовка Токарева. Принята на вооружение в Красной Армии в 1939 году (прим. С. А. Смирнова).

только я писал автобиографию – ложь в первых же страницах: 1933-й вместо 1930-го. Я пришёл в партком, говорю: вот так и так, помогите восстановить дату рождения. А это было небезразлично. Если бы я был 1930-го года рождения, на втором курсе мне никак нельзя было быть. Нужно было два года отслужить в армии и только после этого идти. Ну, дали одного фронтовика, члена партии, по комсомольской линии, подчиненного мне в группе. Он со мной походил по всем инстанциям, которые этим занимаются, и везде ему сказали одно: «А как мы восстановим? Архивы-то сгорели». Короче, из этого ничего не вышло, кроме того, что я теперь должен был довольно длинно в биографии писать.

Смирнов С. А.:Объяснение?

Тыщенко В. П.: Тогда-то были изменения и прочее. К чему я всё это говорю? Это всё ответ на первый вопрос. Когда я почувствовал себя, ну, не философом, тогда меня это слово не волновало, а когда впервые я осознал, что я сделал выбор, написав заявление. То есть отныне я понимал, что такое жить по документам поддельным в этой части (хотя и довольно невинно), и что значит жить по документам действительным, но не подтверждённым архивными данными. Но если к этому добавить, что в дошкольном детстве я не матерился, а всё остальное – как ребята делали, не воровал, не лазил... нет, по яблоки мы лазили. Правда, это кражей не считалось, это была лихость.

Смирнов С. А.: Всё равно же хотелось, да. Ну, и показать себя, что лихой.

Тыщенко В. П.: Вот впервые получилось, что я сам выбрал такую позицию, которая делает меня человеком автобиографическим: своим для пациентов. Они мне, так сказать, простили чистоплюйство. Ну, сын учительницы, отличник № 1 в школе. Когда я уезжал поступать на философский факультет, со мной были (и до сих пор они со мной) три тома «Капитала», подписанные директором школы.

Слева: Титул рукописного дневника, который вел школьник Володя Тыщенко.

На титуле видны пометки его рукой, сделанные гораздо позже.

Справа: Школьник Володя. 10.09.1948 г. Из семейного архива.

Смирнов С. А.: Его подарили Вам по окончании школы?

Тышченко В. П.: Да. Это уже был результат разочарования. Меня долгое время уговаривали: в историки, в филологи не иди – там много чего скоро-го, ничего понять нельзя. Ты лучший математик школы – иди на математику. А у нас «золотая медалистка» – физик, училась в герценовском пединституте как раз на математическом факультете, она мне то же самое говорила, рас-сказывала о том, как в эти годы разогнали преподавателей философского фа-культета. В число разогнанных попали те, кто знал языки, знал философскую литературу, а пришли всякие такие, слушать которых нельзя было. За редки-ми исключениями – психолог, от которого я впервые узнал первую троичную классификацию людей, психологическую. Ну, не важно, как это языком офор-млялось. Книжка его у меня до сих пор есть. Вот здесь уже пришлось выбирать линию: 1. Факультет? 2. Год рождения? 3. На четвертом курсе стали писать дипломные работы. Я колебался между двумя темами. Первая тема была такая: «Плеханов и Ленин». А проблема заключалась вот в чём.

Смирнов С. А.: Тема диплома?

Тышченко В. П.: Дипломной работы, выпускной.

Смирнов С. А.: Выпускной студенческой?

Тышченко В. П.: Да. Это мне уже должны по этой работе давать направле-ние на работу.

Смирнов С. А.: Это уже в ЛГУ ?

Тышченко В. П.: Да. Но я сделал два сопоставления. О первом я ничего не говорил. Первый – это влияние Макаренко. Влияние Макаренко на меня пе-редавала моя мама. А передавала каким образом? У неё был общешкольный ку-кольный театр. Кстати, она имела только незаконченное педагогическое трех-летнее образование. Ну, вот я в этом кукольном театре и ещё многие другие ученики разных классов. Потому что там надо было сценарии писать, головки лепить для куколок, одежду строгать, подбирать музыку и так да-лее, и так далее. И все с увлечением этим занимались, хотя кончали те классы, в которых мама чего-то вела, но тянулся сам кукольный театр. И так всю жизнь у неё. Всю жизнь у неё был такой общешкольный коллектив, который не просто имел отношение к какому-то школьному искусству (куклы). Ну, там музыку надо было подбирать, надо было рисовать, делать ... Как это называется?

Смирнов С. А.: Декорации делать?

Тышченко В. П.: Декорации, да, и прочее. Вот впервые мы почувствовали себя учениками школы. Кстати, тогда выпускные классы были: в эти же годы с 6-леток в 7-летки переделали, потом появились 10-летки, потом – 11-летки. И, в общем, всю жизнь, когда я жил рядом с мамой, я этим делом занимался.

Смирнов С. А.: А в каком году вы-то закончили школу?

Тышченко В. П.: Школу в каком году я закончил?

Смирнов С. А.: Это же после войны уже?

Тышченко В. П.: По-моему, в 1950-м. В том же году, в котором я поступил. Потому что я поступил сразу³.

Смирнов С. А.: Ну, так, а всё-таки, это Вы про студенческую работу сказа-ли. А до этого как Вы выбрали философский факультет? Почему туда?

³ Школу он закончил в 1950 году. Ему уже было реальных 20 лет! (прим. С. А. Смирнова).

Тышченко В. П.: Ага. Вот я к этому сейчас и подхожу. Первое: никто мне этого не советовал. А разговоры у меня были с директором школы, с мамой, с выпускницей школы, «золотой медалисткой», студенткой физического факультета герценовского пединститута. Она мне написала следующее: не советую идти на философский факультет. Раньше там был сильный состав преподавателей. Сейчас сильных разогнали, будут читать вам малограмотные пьянячки, за редким исключением.

Но я рассуждал так: что я могу получить у историков, филологов, физиков, математиков? Мне это по школьным предметам понятно. Я этим могу заниматься и сам. Остаётся философский факультет. А что я о философии знал? Первое – статьи Ленина о Чернышевском. Дальше – спор Плеханова с Лениным. Вот тут самое интересное. Потому что, проштудировав, ещё будучи учеником, доступные мне работы Плеханова и Ленина, я понял одну вещь: Плеханов считал: то, чем отличается Россия от Запада, есть признак её отсталости. Россию надо европеизировать – такова задача русских коммунистов. Ленин лучше статистику знал. Он понимал, что пролетариев у нас (и, тем более, коммунистов) – это горсточка. Отсюда его линия – линия на союз пролетарского меньшинства с крестьянским большинством. И далее та же самая проблема возникала и в городе по отношению к рабочим. Потому что были те, кто тяготел, не зная Ленина. Но представления о том, что Россия отличается от Запада не только недостатками, но это и православная страна и так далее, и так далее.

И я поехал. Прочитал из философской литературы, уже в поезде, только «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Понравилась чёткость (человек знает, чего хочет). И понравилось то, что он кропил своих оппонентов, ну, не матом, конечно, но очень убедительно. Поэтому философские проблемы для меня начались с того, что я прочитал, помимо этой работы по дороге на экзамены, ещё и его «Философские тетради». А там же много выписок из других философов. Это было интересно.

Смирнов С. А.: Это же его конспекты. За ними стоит и Гегель сам. Его «Наука логики». А «Наука логики» Гегеля Вам была доступна?

Тышченко В. П.: Была. И я в те же годы её купил. У меня один из томов сохранился.

Смирнов С. А.: А в каком городе Вы закончили школу? Город-то какой?

Тышченко В. П.: Чаусы, райцентр.

Смирнов С. А.: И там библиотека была хорошая. Книжки-то в библиотеке были? Брали-то где книжки?

Тышченко В. П.: Нет, плохая библиотека.

Смирнов С. А.: А где брали?

Тышченко В. П.: Где можно – все библиотеки города. Две школы: русская и белорусская, остатки гимназической дореволюционной библиотеки.

Смирнов С. А.: А, гимназическая – да. Вот это – да, это возможно. Там сохранилось что-то.

Тышченко В. П.: Например, журнал «Нива» – это же был очень содержательный журнал. Исторический, этнографический и так далее. А я чтец был...

Смирнов С. А.: Глотали?

Тышченко В. П.: Да. Нагулявшись в футбол, брал книжки, залезал на сено – и до вечера. Так что в этом плане я был подготовлен.

Смирнов С. А.: Хорошо. Ну, и поступили без проблем, да? А экзамен-то какой? Что сдавали? Сочинение, историю?

Тышченко В. П.: Полное собрание Плеханова.

Смирнов С. А.: Нет, в смысле сдавали экзамен какой?

Тышченко В. П.: Да обычный экзамен. Там что-то было по марксизму-ленинизму. А так, всё остальное – обычно. Но, опять-таки, там за что ни возьмись, повыгоняли тех, кто знал языки и был вообще начитан, и о себе много думал. А люди дисциплинированные, они занимали пустые места. Ну, и мы к ним так же относились.

Смирнов С. А.: И затем пять лет – обучение в институте. А там Вы, когда пришли... Или «Капитал»-то у вас уже был подаренный. Вы его проштудировали сразу?

Тышченко В. П.: Не в институте – в университете. Это была большая разница. Я кончал философский университет. Философский факультет Ленинградского университета.

Смирнов С. А.: В 1955-м?

Тышченко В. П.: Да.

Смирнов С. А.: Да, Вы же не герценовский пединститут заканчивали, а Ленинградский университет.

Тышченко В. П.: Герценовский заканчивал отец. Так что у меня там связи были какие-то.

Смирнов С. А.: Понял.

Тышченко В. П.: Я, кстати, никогда не жалел. Потому что приглашали туда кого? Например, Окунь – из литературоведов. В общем, лучших преподавателей других факультетов. И в этом смысле мы были на факультете не в хвосте находящимися. Все, кто меня отговаривал, воспринимали этот факультет как один из уцелевших после разгрома, дышащих на ладан. Тем более, что руководителем коммунистической организации Ленинграда стал человек, который и занимался этим разгромом и погромом. Господи, как его? Пока говорил – забыл.

Студент. 1951 год. Из семейного архива.

Смирнов С. А.: Жданов?

Тышченко В. П.: Жданов. Так что ждановщину мы тоже хорошо знали. И отношение к Жданову среди студентов было, в общем-то, негативным. Мы выделяли других. Например, Макогоненко.

Смирнов С. А.: Макогоненко – да, знал, был такой филолог.

Тышченко В. П.: Психологию хорошие ребята читали. Ну, кто там ещё? Математика, физика – неплохо. Они не пытались как-то это связать с марксизмом, а просто были хорошие математики и физики, читали нам лекции.

Смирнов С. А.: А к дипломной работе и к «Капиталу» Вы пришли когда? Раньше?

Тышченко В. П.: Нет, ну, во-первых, вот эта история с возрастом. Меня что привлекло в дискуссии Ленина и Плеханова? Я об этом ещё не сказал. Дело в том, что Плеханов был европейски подготовленный, очень начитанный, очень самостоятельный, но глубоко убеждённый в том, что будущее России связано с отказом от её отличия от Запада. Ленин считал, что наоборот: революции на Западе, организованная марксистами, потерпели поражение, потому что неправильная была идеология. А правильная идеология заключается в том, что в России ставка на пролетариат не проходит по статистическим причинам. А кроме того, если там революционные настроения затихали, то в России, наоборот, нарастали. И это нарастание достигло пика в годы первой мировой войны. Поэтому выбор был обусловлен этим. Меня интересовала Россия и что делалось в России. А других интересовал Запад, чтобы получить образование на Западе и желательно работать там же. Меня это не интересовало. Потому что уже к тому времени весь Пушкин мною был прочитан, Гоголь прочитан, Достоевский также.

Смирнов С. А.: Так вот. Есть же великкая русская литература. Она же может быть ориентиром и образцом.

Тышченко В. П.: Да, и Плеханов, и Ленин в великой русской литературе разбирались хорошо.

Смирнов С. А.: И каждый использовал её для себя.

Тышченко В. П.: Например, полемика Ленина с Толстым.

Смирнов С. А.: Это понятно. А для Вас-то кто был образцом?

Тышченко В. П.: А никто.

Смирнов С. А.: И не Пушкин, и не Толстой? Пушкин потом пришёл?

Тышченко В. П.: Пушкин – нет. Я его наизусть знал практически всего: и «Капитансскую дочку», и остальное. Ну, так, веселенький ситчик. Талантливый, интересный, бабник, пьяница – что-то в этом роде. А впервые заинтересовал меня Пушкиным, наверное, Макогоненко. Но потом я нашёл более сильных. Потому что дальше начались пушкинисты. Они сами себя делили на две категории. Первая категория – это те, которые получили эстетическое, литературоведческое, философское образование еще до революции. Мы застали кое-кого из них, последних из могикан. А остальные были конъюнктурные ребята: что требуется – расскажем студентам. Так что выбор был, конечно, идеологический. Почему? Потому что Ленин без Плеханова – это Россия без Запада. А Плеханов без Ленина – это, наоборот, Запад, который к России относится, похлопывая вот так по плечу.

Смирнов С. А.: Мой вопрос-то связан с чем? Почему решение вопроса о судьбе России было связано с этими двумя именами, а не с именами более крупными (Толстой, Достоевский)? Это всё революционеры, коммунисты.

Тышченко В. П.: Они более крупные в эти годы в чьих глазах?

Смирнов С. А.: В ваших. У Вас на первом месте (ну, так получилось по биографии) оказались Ленин и Плеханов как были более значимые фигуры, нежели русские классики?

Тышченко В. П.: Не верно.

Смирнов С. А.: А что верно?

Тышченко В. П.: Я перебираю. Гоголь, Пушкин – да, я не понимал их значения, когда практически всё было прочитано. А Достоевский меня многим отталкивал. Это не мой автор. Толстого читал с огромным интересом. Произведение № 1 – конечно, «Война и мир». «Анна Каренина» и остальное – нет, сюда не относились. Так что, нет. Ленин цитировал Толстого. Чувствуется, что знает. Поэтому у Ленина у меня кое-что скребло, но это списывалось на страсти борьбы между «западниками» и русофилами. Как их называть?

Смирнов С. А.: Славянофилами, да.

Тышченко В. П.: Ну, славянофилы не были у Ленина и у Плеханова номе-ром первым.

Смирнов С. А.: Да, не были.

*Студент. На оборотной стороне фото надпись: «Мише от Володи на память. 4.11.1953 г.»
Из семейного архива.*

Тышченко В. П.: Ну, вот так вот. И тогда я сделал что? Я выкупил все сочинения Плеханова, когда поехал по распределению после университета в Сибирь, начал собирать Ленина. Те тома, которые меня интересовали, это томов 15, которые непосредственно связаны с этой проблематикой. Ну, и Плеханова – для того чтобы его критиковать. В дипломе я критиковал его всё-таки с других слов, источников. Перечитал, понял, что вроде бы оценка была правильная. Потом была такая заметочка: как Ленин поссорился с Плехановым или как Плеханов поссорился с Лениным. В общем, заметка Ленина (кстати, заметь в своей теме), пожалуй, самая интересная автобиографически. Заметка та-

кая: «Ушёл от Плеханова до слёз обиженный». Он раскатился, готов работать на него, поддержка молодежи и так далее. А Плеханов отнёсся к нему прохладно. И понятно, почему. Их отношение к Западу и к России было несовместимо. Поэтому – Ленин. А от Ленина – уже к Гегелю. А Гегеля начинаешь читать – это всё-таки могучая штука: палец отдашь и весь там очутишься. Потом уже стало понятно, что и Гегель – не самое интересное в русской философии того времени. Он всё-таки сильно грёб под себя. Он не просто пересказывал Маркса.

Смирнов С. А.: В смысле, кто пересказывал?

Тышченко В. П.: Плеханов. Так что он потом... И потом, это было два разных поколения. Между ними была большая разница. Наверное, первый воп-рос...

Смирнов С. А.: Это значит, вы закончили университет. Но Вы же не пошли потом преподавать философию. Вы же поехали в Сибирь и работали учителем. Правильно?

Тышченко В. П.: Нет, тут дело было такое. Я был направлен на работу как раз по философии. Точнее, по марксизму-ленинизму. А там три составляющих. Потому что я мог любую из частей (все три меня интересовали) читать. А потом произошло следующее. Я попал, не буду описывать подробности... Как это называлось? В общем, к коммунистам, руководителям Алтайского края периода поднятия целины, это хрущевские времена.

Смирнов С. А.: Но Вы же закончили в 1955-м университет?

Тышченко В. П.: Да. Ну, там и оказалось. И здесь произошла интересная штука. У меня были четыре подчиненных мне района. Я все их объездил, в том числе, родину В. М. Шукшина. Впервые я там им заинтересовался. Были мы на лошадях в глухой тайге у староверов. Иначе никак нельзя было пройти. Я никакой наездник, но лошадь ж...а – ничего, выдерживает. Самое сильное впечатление такое. Мы попали в деревушку староверов где-то в глухой-глухой тайге. Встретили нас вежливо, но у калитки, которая вела к избе староверов. На столбе у калитки штырь. На штыре пресная вода и кружка: хочешь пить – пей. А в дом нас не пускают. Почему? Оскверняете.

Вот это было очень сильное впечатление. Коммунисты уже властвовали. С ними ссориться было вроде бы ни к чему. Кстати, староверы потом ушли через Берингов пролив в Америку. Было бы исторически очень интересно, если бы Аляска осталась российской. А количество староверов, способных освоить пустынную Аляску, было значительным. Но золото кто отдаст, золотые прииски? Ну, вот так закончилось знакомство. Через полтора года я пришел в комитет Барнаульского... Как это называется? Ну, высшего партийного органа.

Смирнов С. А.: Крайком партии.

Тышченко В. П.: Да. И говорю: «Я познакомился за полтора года с «поднятой целиной». Произвела огромное впечатление. Но сейчас, во-первых, новизна пропадает. Во-вторых, чем обеспокоены хлеборобы Алтайского края? Тем, что после того, как будут сняты пенки (первый урожай), уже никакая целина работать не будет. А вот впечатление, конечно, сильное. На шоссейных дорогах, по которым возили хлеб, хлеб насыпан был чуть ли не слоем. Потом птицы клевали его. Хрущев сильно надеется на целину. Сейчас уже многое потеряли. А как говорили, был там знакомый у меня агроном Шокин, коммунист, замечательный парень. Хозяйство было у него на высочайшем в то время уровне. Я о нём даже статью написал в районной какой-то газете. А вторую статью я написал про телятницу Макарову. То есть люди поражали меня тем...

Смирнов С. А.: Что строили коммунизм?

Тышченко В. П.: Строили Алтайский край. Пока коммунисты этому не мешали. Это вот так вот. И, если угодно, это было два настоящих коммуниста (коммунист и коммунистка). Они на работе пропадали. Работали с огромной нагрузкой. Я под их влиянием написал эти статьи про агронома и про телятницу. Но тут наступили времена, когда целина и Хрущев выдохлись. А я холостой. Денег мне много не надо. Я сижу и пишу в это время роман автобиографический. К тому времени я сменил массу крикливых названий, типа «Растут коммунисты» и ещё что-то довольно длинное. И стало мне скучно. Захотелось поближе в лучших традициях Чернышевского и Ленина к земле. Поэтому я прихожу в комитет областной и говорю честно, вот так: «Спасибо, очень поучительно. Мне тут было чрезвычайно интересно. Но я себя не вижу дальше – кем я могу. Тут можно работать животноводом, агрономом. Руководить – я таких там 2-3 человека видел и наверху, и внизу. Нет. Поэтому отпустите. Я вот тут книжку пишу, хочу написать. Меня любая зарплата устраивает. Я сам найду». Мне говорит один: «Так, я вижу, что всерьез решил. Мы так не отпускаем. Мы отпускаем либо вниз, либо на хорошее место. А ты нам будешь портить: ни то, ни сё».

Смирнов С. А.: А Вы были парторгом или как?

Тышченко В. П.: Я был, как это называется? Инструктором по четырём районам.

Смирнов С. А.: А, инструктор обкома партии или как?

Тышченко В. П.: Комсомола.

Смирнов С. А.: А, комсомола.

Тышченко В. П.: Но вхож.

Смирнов С. А.: Ну, понятно.

Тышченко В. П.: В соответствующие отделы партии. А мой друг студенческий в это время уже был секретарем комсомольской организации целого района. Он говорит: «Приезжай ко мне». Я приехал к нему. Там месяц мы поработали. Ну, а потом, наконец, пора же зарабатывать, я же не могу жить иждивенцем. А время было такое – середина года. Вакансий было мало. Зарплата меня не интересовала. Ну, вот как ты думаешь, в школе сельской какие вакансии были наиболее реальные?

Смирнов С. А.: Физкультура.

Тышченко В. П.: Учитель.

Смирнов С. А.: Учитель физкультуры.

Тышченко В. П.: А тут даже выше – была свободная вакансия директора. Возьмёшься? А чего не взяться? Я всю жизнь вращаюсь в этой среде. И стал я директором Верх-Камышенской семилетней школы. 8-летки не было. Кстати, учеников было в выпускном классе человек 7, из них 4 девушки. Ну, как девушки? Сибирячки.

Смирнов С. А.: Да. Крупные, крепкие.

Тышченко В. П.: Будь здоров. И на следующий же год туда прислали из Барнаульского педа Розу Федоровну Никкель.

Смирнов С. А.: Это её девичья фамилия – Никкель? Да?

Тышченко В. П.: Одна из девичьих. Потому что по отцу, поэтому. Тоже репрессии, длинная история. Причем она такая же дурочка, как и я. Потому что последние два курса в ней влюбился горный инженер на шахте в масштабах таких, городских (или областных, лучше сказать). Он одевал её, обувал её,

ждал два или три года. А она упёрлась: «Я всё-таки хочу быть математиком настоящим. Я хочу поработать в низовой школе». А на самом деле, ей не хотелось раньше времени. Не то, чтобы она отказывалась – она была «за», все родные были довольны, обрадованы ей. Мол, свой. Тоже немец, на таком посту, инженер. Когда их только-только реабилитировали и реабилитировали частично. Она ещё долго в некоторых правах была поражена в это время. И она приехала. Деваться было некуда. Есть надо было. Приехала в начале августа. Ей месяц надо было ждать, когда школа начнёт работать. Ну, нашли какую-то работу с детьми. Я как директор школы, с ней познакомился. И там мы отработали два года с большим энтузиазмом: школьный хор был у нас, школьные танцы. Ну, и прочее. Опять-таки, самодеятельность...

*Педагогический коллектив Верх-Камышенской школы.
Третий справа в верхнем ряду – Владимир Петрович.
Вторая справа в нижнем ряду – будущая жена Роза Федоровна.
Из семейного архива.*

Люди интересные были. Завуч у нас Баев Василий Фирсович, тоже фигура трагическая. Без педагогического образования, но в селе у него был домик с участком. Кем он мог быть в школе? Физруком. Он и был им, зарабатывал. Я потом пытался его как-то протолкнуть повыше. А человек был интересный. Библиотека у него была побольше вот этой комнаты. Причём я покупал просто любую интересную литературу, а он охотился за начавшей тогда выходить серией «Литературное наследство». Это первоклассные, конечно, книжки.

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Тышченко В. П.: Мы с ним сдружились. Человек интересный, начитанный, с трудной, конечно, судьбой, не пьяница. Вёл физкультуру, военное дело и ещё что-то. В общем, было очень интересно. И Розе было интересно. Девицы сибирские с ней сдружились, пришли посмотреть её наследство. Ну, какое наследство? Она сирота: отец погиб во время перелёта, мать еле-еле говорит по-русски. Она немка. Но он сильно помогал, конечно. И вот они раскрывают её чемоданы – а там дешевенькие, но современные, модные платья. Вот они так и напяляли, трещит всё на них, они тоже счастливы. Поэтому проблемы дисциплины у нас не было, хотя поводы были. Был такой Вася Кузьменко. Он в каждом классе оставался по два года. Как он себя вёл? Надоест урок,

встал – вышел. Ему становится скучно. А мы на первом этаже занимаемся. Он залезает с той стороны на внешний подоконник, расстегивает брюки и на глазах у учительницы и всего класса пишет. А что ему сделаешь? Он два года отсидел – может и третий отсидеть. А нам за это будет по шее.

*Среди своих учеников Верх-Камышенской школы.
Из семейного архива*

Но потом он стал меньше хулиганить. Потому что и к Василию Фирсовичу, и ко мне он относился не так, как ко всем остальным приставучим взрослым. Ну, а потом мы с Розой влюбились друг в друга, и я стал думать: так, дети появятся. Это сейчас у меня зарплата директора сельской школы годится. Чего я, дурак, думаю? Надо вернуться и из диплома сделать кандидатскую диссертацию. Написал знакомым. Знакомый был у меня, Генка Иванов. Он уже перешёл в это время из секретарей районного комитета комсомола на ту же должность, но туда, уже под Ленинградом. Потом он оттуда переехал в Москву. В Москве он стал работать в ЦК, причём на очень удобном месте: он заведовал приемом, обработкой и пропагандой переводной запрещённой к распространению литературы. Так что я информацию имел от него. Далее заработал квартиру, так в Москве они и остались: он и жена его. Вот такая эпопея была.

Смирнов С. А.: И в итоге Вы переехали сразу в Ленинград?

Тышченко В. П.: Нет. Они приехали раньше. Потом приехал я. А у жены моей мать Эльза осталась временно тогда, не мог я её везти на пустое место. И как только появилась возможность, я стал заниматься с животноводами, хорошо заниматься, я там пропадал сутками. И ко мне хорошо относились. А потом от скуки начал с ними заниматься музыкой. Почему музыкой? А там был знакомый отпускник, ну, пенсионер. Он был в армии концертмейстером (дирижером). Он обрадовался: «Давайте я вам сделаю». Сделаешь – пожалуйста. Я ему собрал ребят. Услышал, что в Ленинграде в областном центре пылится не первый год оркестр с полным набором инструментов, они не могут его никаку прикрутить. Я стал к ним приставать. Описал нашу ситуацию. И приехал в совхоз «на коне» – привез полный набор для концерта.

Смирнов С. А.: В совхоз в какой? В Ленинградской области?

Тыщенко В. П.: Это уже в Ленинграде⁴. Ребята взялись с таким энтузиазмом под его началом: ноты изучили, играть начали, и зарабатывать начали на свадьбах. Я для них был царь и Бог. И вот когда меня пригласили уже в аспирантуру в герценовский педагогический, где отец работал, в город – возникла такая проблема: я коммунист, меня не отпускают. Ценный кадр.

Смирнов С. А.: А там Вы в райкоме были в Ленинградской области.

Тыщенко В. П.: Нет, в парткоме.

Смирнов С. А.: А, в парткоме.

Тыщенко В. П.: Но сильного совхоза.

Смирнов С. А.: Понятно.

Тыщенко В. П.: И председатель совхоза был сильный. Ну, и я был такой задира. Раз тебя автобиография интересует. Скажем, разобравшись в ситуации, я понял, что хитрит мой председатель совхоза. Нет, директор совхоза. Он имеет постоянный запас на квартиры, для того, чтобы привлекать специалистов. Я к нему захожу и говорю: «Давайте хоть наполовину: половина заслуженным, своим, половину – пришлым». Он мне давай говорить: «Нет, ничего не будет». Я против. Он уже чуть не матерится. Он идёт к двери кабинета. Я его туда не пускаю. В общем, был такой длинный конфликт. И, в конечном счете, оказалось, что я прав. Потому что настроение местных скотников, доярок и пришлых изменилось, когда они поняли, что распределение, скажем, квартир идет по нормальному принципу, по понятному принципу – по заслугам. И он на меня, когда я стал поступать в партию, еще будучи в совхозе, начал собирать рекомендации. Он мне сразу согласился дать рекомендацию. Написал очень лестную и сказал: «Спасибо, ты был прав». Ну, вот так вот.

Смирнов С. А.: Так. Ну, и потом Вас пригласили в аспирантуру.

Тыщенко В. П.: А там свои проблемы. Потому что у меня всегда какие-то колючки были, которые были родные, коммунистические, марксистские, но не устраивали тех, кто меня нанимал на работу. Значит, конфликт в аспирантуре был такой. Я работал в герценовском пединституте на кафедре философии уже с тем, чтобы заработать рекомендацию в аспирантуру, утвердить тему диссертации, найти научного руководителя. Научным руководителем оказался Игорь Николаев, интересный человек, энтузиаст Ленина, знающий такие работы ленинские, которые мне и не снились. Вот настоящий коммунист. А кому такой нужен? И у него начались конфликты. А когда начались конфликты, начались обсуждения. И вот обсуждали мы «Капитал» Маркса. А трехтомник я чуть ли не наизусть тогда знал.

Смирнов С. А.: Первые три тома «Капитала»?

Тыщенко В. П.: Да, первые три тома. Предмет спора – это вот такой вот абзац (я могу найти, но мы уже и так много времени затратили), в котором Маркс говорит, что вот товар, противоречие между тезисом – потребительной стоимости, антитезисом – меновой стоимостью, и их синтезом. Вот результат получается – стоимость товара. Количественное мерило стоимостей всех этого рода – затраты времени. А время делится на рабочее и свободное. И замечательно Маркса сводится к тому, что сейчас мы вынуждены считать стоимость

⁴ С конца 1960 года по декабрь 1961 года В. П. Тыщенко работал в Гатчинском горкоме ВЛКСМ и Волосовском совхозе Ленинградской области (прим. С. А. Смирнова).

по затратам рабочего времени, а на будущее работа будет передана машинам. А за людьми останется время свободное: творчество, машинам не доступное. Получается, что я поддержал аспиранта строптивого против очень властного заведующего кафедрой. Но в результате мне пришлось защищаться уже здесь, в Сибири. Ну, а дальше здесь те же были проблемы.

Смирнов С. А.: А сюда-то как попали?

Тыщенко В. П.: Попросился. А, нет. В то время в Академгородке зарождалось отделение философии.

Смирнов С. А.: И сюда приехал М. А. Розов.

Тыщенко В. П.: Да, Миша Розов с женой Сталиной. Они мне написали: «У нас есть аспирантура, мы тебе даём рекомендацию – через три года ты кандидат. Приезжай сюда». Я собрался и поехал туда. Но я уже был женат. У меня уже был ребенок. Я сам ехать не мог. Я последний месяц жутко страдал простудой. А надо было мать жены оттуда взять. Тогда я сделал следующее. Мне надо было документы нормальные сделать. Я сбежал оттуда, из школы, а направление надо иметь. Тогда мы написали (я написал) в районный отдел образования: «Войдите в мое положение. Я получил большой опыт, работая практическим учителем. Но мне надо защищаться, и диссертация у меня по теме, которой я занимался в свое время еще в школе: «Плеханов и Ленин». Там есть такие документы, которых нет у нас». Мне отвечают: «А кто будет (а это было в середине учебного года) вести занятия?» Я говорю: «Не беспокойтесь. Переговорил со всеми членами коллектива – они охотно разобрали мои часы, потому что это заработка».

Я сел на лошадь. Вот я зря не написал это в своё время. Ситуация какая? Везёт меня парень на железнодорожную станцию, влюблённый по уши в мою жену. Сын учительницы. Он ей и говорит: «Слушай, Роза, если там чего-нибудь не сложится у вас, приезжай, я тебя всегда готов принять». Говорит откровенно и мне, и ей. Понятно, с ним легко такие проблемы решать. Но выяснилось, что всё не так. Приняли меня хорошо, и мы поженились. Договорился я с кем-то из наших работников – поехали за бабушкой и привезли её сюда. Тут мне быстренько выдали сначала однокомнатную, потом двухкомнатную. Потом я стал аспирантом уже законным. Ну, и так далее.

Смирнов С. А.: Но это где? В ЛГУ или в педе уже в Новосибирске? Вы же сразу в педагогический приехали в Новосибирск⁵.

Тыщенко В. П.: Это уже в педе. Место появилось впервые в педе. Я знал уже, кто у меня будет руководителем. Ну, вот я там начал работать над диссертацией. Забрал жену, старушку, ребенка и вернулся на Алтай уже с планами из Сибири не уезжать. Там интересно. Маленький штрих: когда я ближе узнал девчат, которые там работали доярками, агрономами, зоотехниками и так далее, невесты все, холостые, я понял одно: они все давно не девушки. Это уникально в этом смысле, я думаю: елки-палки, там ещё народ, который цивилизация не испортила. Собрался и поехал сюда. Это было самое правильное решение в моей жизни. Теперь не надо было думать, как кормить жену. Через некоторое время мне дали 4-комнатную квартиру и вдобавок отдельно (5-комнатных не было) – 1-комнатную. Там начали свою семейную жизнь сын и его жена.

⁵ На кафедре философии Новосибирского педагогического института В. П. Тыщенко работает с 1965 года (прим. С. А. Смирнова)

Смирнов С. А.: Но это уже много позже. 4-комнатная – это же вот эта же, на Селезнева?

Тышченко В. П.: Да, эта.

Смирнов С. А.: А «однёрка» – это Андрей там жил недалеко от педа.

Тышченко В. П.: Да.

Смирнов С. А.: Но это уже потом. Это я уже застал.

Тышченко В. П.: Для меня это как вот...

Смирнов С. А.: Как один миг.

Тышченко В. П.: Да. Как сегодняшний день

Смирнов С. А.: А защищали Вы диссертацию кандидатскую в НГУ?

Тышченко В. П.: Да.

Смирнов С. А.: А кто там был руководителем?

Тышченко В. П.: Игорь Николаев.

Смирнов С. А.: В НГУ?

Тышченко В. П.: Нет. Ну, опять, тут длинная история, интересно всё переплеталось. В общем, защитился благополучно. За диссертацию мне и по сей день не стыдно. А, вот философия с чего началась?

Смирнов С. А.: С чего?

Тышченко В. П.: Коллектив возникает там, где есть требования, означающие уважение, и уважение к членам коллектива, которое связано с работой в этом же коллективе. Отсюда три стадии: стадия первая – требует один (сам Макаренко), стадия вторая – требует актив. Его поддержали из бывших...

Смирнов С. А.: Ну, бывшие уголовники в колонии Макаренко. Да?

Тышченко В. П.: Да. А третья – это каждый требует от себя даже больше, чем требуют от него. Это же потребительная стоимость, меновая стоимость и их синтез. Поэтому у меня возникло сопоставление. И диссертация первая моя состояла из описания опыта Макаренко на языке Гегеля и опыта Маркса на языке Гегеля тоже. И там было сопоставление интересное. Когда работу прочитал руководитель наш, с кем я спорил, он сказал так: «Диссертация пойдет, а Макаренко выкинуть». Ну, что делать? Ну, давайте. Значит, остаются Гегель и Маркс со ссылками на философское наследие.

Смирнов С. А.: И в каком году была защита-то⁶? 1968-й? Да?

Тышченко В. П.: Где-то у меня же диссертация лежит.

Смирнов С. А.: Вы же в это время уже знали про Ильенкова, Зиновьева, когда защищались?

Тышченко В. П.: Обязательно. Началось не с них – началось с Бранского. Был у нас на 4-ом курсе такой гений⁷. Он занялся «Капиталом» Маркса применительно к физике. А потом уже возникло следующее. В Ленинграде Бранский остался одиночкой. Он не стал руководителем школы. То, что он написал по физике и по философии, – высшего уровня работы. Но до сих пор он в Ленинграде занимается всякого рода околофилософскими вещами. Умница.

⁶ Защита кандидатской диссертации прошла в НГУ в апреле 1968 года. Тема: «О начале восхождения от абстрактного к конкретному» (прим. С. А. Смирнова).

⁷ Бранский Владимир Павлович (род. в 1930 г.), профессор, д. филос. н., один из основателей Санкт-Петербургской научной школы социальной синергетики. Окончил философский (1953) и физический (1960, экстерном) факультеты ЛГУ, аспирантуру философского факультета (1956). С 1975 – профессор ЛГУ. Автор монографии «Искусство и философия» и др.

Но если брать количественно, так он философских категорий Гегеля использовал там не то 12, не то 24. Я могу сейчас посмотреть. И в это время мне попадается работа (не в это время, а в 1960 году) Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса». Это уже не 12 или 24 категории – это весь Гегель, причем очень последовательно продуманный с точки зрения Маркса. До сих пор считается одной из лучших его статей – статья об идеальном в первом многотомном издании «Философской энциклопедии». Но он не нашел там последователей. Так что дальше – Ильенков. А за Ильенковым последовал Зиновьев, с которым он в полемике. За ними последовал Библер. Он в это время из Средней Азии вернулся сюда в центр. Началась нормальная философская работа. Я пришёл к выводу, что можно идти в аспирантуру вот так сверху (а все рекомендации у меня были), а можно снизу, от коровника. Вот, оказывается, второй путь гораздо более полезный.

Смирнов С. А.: Но он полезный как? В том смысле, что материя жизни позволяла как бы не врать, находить правду и так далее? Лучше чувствовать другого?

Тыщенко В. П.: Конфликтов у меня с начальством было много.

Смирнов С. А.: Нет, я имею в виду материю жизни Вам как философу позволяла не обманывать. Смотрите, это вот одна линия. А есть другая линия: Бахтин, Достоевский, снова через Бахтина, наверное.

Тыщенко В. П.: Всё то же самое.

Смирнов С. А.: А когда впервые Вы Бахтина узнали, не помните?

Тыщенко В. П.: Помню. Первое впечатление у меня было потрясающим. Это из отдельных литературоведов, философски грамотных. Но он искал ответ не на те вопросы, которые ставили перед искусством перечисленные ранее Ильенков, Библер и так далее. А если говорить о том, что меня в Бахтине впервые задело всерьез, наверное, пообедав, я тебе скажу точно.

Смирнов С. А.: Ну, началось же с поэтики Достоевского. Нет? Он же был недоступен в своих философских сочинениях. Они ещё не были изданы. Ну, подвесим, сделаем паузу. Где-то ведь произошла встреча: с одной стороны – Ильенков, Гегель, с другой стороны – Бахтин. Это совсем разные линии мышления и типы философии.

Тыщенко В. П.: Не разные.

Смирнов С. А.: Они могут пересекаться, но это всё-таки разные тип.

Тыщенко В. П.: Пока зафиксируем. Проблема – когда появляются вот эти фигуры. Не с Бахтина надо начинать – с Выготского.

Смирнов С. А.: А, это отдельно. Да. Про Выготского у меня отдельный вопрос. Но, наверное, Лев Семенович, появился у Вас раньше, чем Бахтин, в Вашей жизни.

Тыщенко В. П.: Ещё раз?

Смирнов С. А.: Выготский в Вашей жизни появился раньше, чем Бахтин?

Тыщенко В. П.: Переплетение. Выготский появился в связи с тем, что у нас были хорошие преподаватели психологии.

Смирнов С. А.: Хорошо. Зафиксировали. Ставлю паузу.

Продолжение следует...